

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Автор Ольга Гердт

БЕРЛИНСКОМУ ФЕСТИВАЛЮ TANZ IM AUGUST – 26 ЛЕТ. СОВРЕМЕННОМУ ТАНЦУ – РАЗА В ЧЕТЫРЕ БОЛЬШЕ, УЧИТЫВАЯ, ЧТО ЗАРОДИЛСЯ ОН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАСПОЛАГАЕТ УЖЕ СТОЛЬ ОГРОМНЫМ НАСЛЕДИЕМ, ЧТО В ПОРУ СТРОИТЬ МУЗЕЙ CONTEMPORARY DANCE, А ЗРИТЕЛЯМ ПЕРЕД КАЖДЫМ НОВЫМ ПРОЕКТОМ ВЫДАВАТЬ ИНСТРУКЦИЮ ПО ДЕШИФРОВКЕ – ТАК СЛОЖНЫ СТАЛИ ТЕКСТЫ ХОРЕОГРАФОВ, ИХ ДИАЛОГИ С ТРАДИЦИЕЙ. ВИРВЕ СУТИНЕН, НОВЫЙ КУРАТОР TANZ IM AUGUST, РЕШИЛА ПОКАЗАТЬ, ЧТО ЕСТЬ И ДРУГАЯ АКТУАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ.

Танец сегодня, если верить программе фестиваля 2014 года, представившего 21 компанию из 14 стран, расширяет аудиторию и борется за каждого зрителя «с улицы», предлагая ему не глубоко задумываться, а непосредственно реагировать – на ритм, эмоцию и энергию. Означает ли это, что эпоха интеллектуалов в contemporary dance закончилась, что время мыслителей прошло и танец из лабораторного пространства возвращается в «мир» – на улицу и танцпол? Мы выбрали три работы с фестиваля Tanz im August, которые так или иначе осмысляют этот поворот. Автор первой – испанец Маркос Морау – восходящая европейская звезда. С именем маститой Маги Марен связан расцвет танцевального перформанса конца прошлого века. Третья вещь в постановке Джеффы ван Динтера признана одной из самых ярких европейских премьер, ориентированных на широкую публику. Три эти работы представляют сегодняшний, вчерашний и завтрашний день в танце.

МОРГ В МУЗЕЕ

SIENA. Компания La Veronal (Испания).
Хореография – Маркос Морау (Marcos Morau) совместно с танцовщицами

Итальянская Сиена – родина Ренессанса, родина представлений о том, что в человеке всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, что человек вообще прекрасен, особенно в наготe своей (хотя это утверждали ещё греки). Но что такое Ренессанс, если не репликант античности? О наготe, о её неизменно провоцирующей силе и рассуждают в спектакле, который по форме не что иное, как череда сюрреалистических видений. А происходит всё в музейном зале, где висит знаменитая «Венера Урбинская» Тициана – картина, о степени неприличности которой спорят до сих пор. Войти в этот зал можно, выйти – только вперёд ногами. Танцовщицы в костюмах фехтовальщиц с экспрессивными, но повторяющимися и слегка механическими движениями, периодически увозят кого-нибудь на каталке, делая публике ручкой «пока-пока», чтобы затем вернуться за новой жертвой.

Нам хотят сказать, что то время как мы ходим в музей любоваться на обнаженную натуру, смерть делает из нас мёртвую? Не только из нас, считает Маркос Морау и показывает то, что «за» репродукцией: вместо неё появляется стекло в раме, а за ним – приготовленное к погребению мёртвое тело. Этот обернувшийся моргом музей виртуален насквозь. Ни окон, ни дневного света, и даже зритель при входе скорее мёртв, чем жив. Во всяком случае, в финале и он превращается в мумию, которая выходит из стеклянного саркофага, чтобы пригласить последнюю посетительницу на финальный данс-макабр.

ДЕФИЛЕ В ПРИМЕРОЧНОЙ

SINGSPIELE. Концепция – Маги Марен (Maguy Marin), Франция. Перформер – Давид Мамбуш (David Mambouch), сценограф – Бенжамен Лебретон

«Культурных» проектов в танце, который в последнее время явно просится на улицу, на танцпол и свежий

воздух, не становится меньше. Другой разговор, что от культуры он, как от собственной вековой истории, устал. В то время как Морау показывает процесс умерщвления плоти в культурном пространстве (им ведь намеренно выбран музей), легендарная Маги Марен (63 года) в новом сольном перформансе Singspiele работает с человеком, у которого есть тело, но нет лица. Перформер Давид Мамбуш носит что-то вроде отрывного календаря с разными портретами – как бесконечную «сменную» маску. Одно за другим он отрывает эти «лица» и бросает на пол. Есть известные – вроде Тильды Суинтон или «Давида» Микеланджело. Есть неизвестные, но настолько типичные, что зрители смеются, как будто опознают соседа или тещу. Речь у Марен, как и у Морау, идёт о социокультурном коде, определяющем наше восприятие человека. Художник Бенжамен Лебретон тут не случайно соавтор. Он сотворил своё «культурное» пространство. Место, где хранятся оболочки – развешенные вдоль стены вещи, примеряя которые перформер преобразуется.

Новое лицо и другая одежда меняют всё. Тело становится миниатюрным или огромным, развязным или скромным, элегантным или вульгарным, старым или молодым. Оно может быть мужским и женским, может принадлежать транссексуалу и быть какой угодно национальности: француз легко превращается в гейшу, стоит только сменить шарфик на котурны. Оболочки затрудняют идентификацию, они же облегчают её. Благодаря одежде и лицу мы знаем, с кем имеем дело. Но что мы знаем по сути? Когда перформер меняет сотни шмоток и лиц, мы уже не понимаем, кто перед нами. На вопрос Морау, почему нагота в искусстве все ещё самое сильное средство, Марен даёт свой ответ: обнажённое тело ничем другим не прикидывается, но без одежды и выражения лица оно будто и не существует – как у перформера-хамелеона Давида Мамбуша, чьё тело словно лишено индивидуальности.

ТАНЦПОЛ В МАСТЕРСКОЙ

PLATEAU EFFECT. Компания Cullberg Ballet (Швеция). Хореография – Джефта ван Динтера (Jesta van Dinther) (Германия)

На сцене девять танцовщиков ставят парус, как бы ловят ветер. Куда подует – туда и плыть. Танцуют много меньше, чем возьмётся с гигантским куском ткани, то натягивая его и расстилая на полу, то водружая над сценой, то стягивая и скатывая в рулон. Качаются как на ветру, перебегают с одного участка на другой, будто сцена – накренившаяся палуба, поют, словно стараются перекричать ветер, а на самом деле специальную шумовую композицию. То натягивают канаты, то ослабляют их. Процесс тут точно важнее результата, потому что про результат никто ничего не знает. Это плавание в никуда. Без цели и маршрута. Тут само плавание имеет значение. Оно самоценно, поскольку все прочие смыслы и цели умерли и помещены в музей (см. главу первую). Если

ФОРСАЙТЫ
И КАННИНГЕМЫ
СБРОШЕНЫ С ЭТОГО
КОРАБЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ,
КОТОРЫЙ ТОЖЕ
ВЫСТРОИЛИ
НЕ ГДЕ-НИБУДЬ, А В САМОЙ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ШВЕДСКОЙ БАЛЕТНОЙ
КОМПАНИИ, ПОДАРИВШЕЙ
МИРУ ПРОЕКТЫ
МАТСА ЭКА

что-то и способно сегодня заставить тело органично двигаться, то это работа – раз и опьянение её ритмом – два. В финале этот ритм – как ток, пропущенный через тела, – трансформирует мастерскую в танцпол, труд – в развлечение, усталость – в эйфорию и свободу бесцельно содрогаться, в чём-то равную наготу.

Форсайты и Каннингемы сброшены с этого корабля современности, который тоже выстроили не где-нибудь, а в самой революционной шведской балетной компании, подарившей миру проекты Матса Эка. О прежних кумирах ничто уже не напоминает... Ветер в голове, ритм в теле – и вперёд. Хочешь танец – сделай сам. Работа Джефты ван Динтера закономерно стала шлягером сезона. В конце концов, давно пора было обнулиться и сбросить балласт. Так или иначе, это всегда происходит – большая перемена. Тут нечего бояться.